

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К АКАДЕМИЧЕСКОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ А. А. АХМАТОВОЙ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-60-85

© Р. Д. ТИМЕНЧИК (Израиль)

О СОСТАВЕ И ГРАНИЦАХ НАУЧНОГО КОММЕНТАРИЯ К ПОЭЗИИ А. А. АХМАТОВОЙ

Опыты подготовки собраний сочинений поэтов начала XX века в последнее тридцатилетие обнажили проблемы подачи модернистских текстов.¹ Комментаторское искусство нынешнего века, наряду с возникающей перед каждой сменой исследователей необходимостью учета запросов очередной читательской генерации, не может не отразить в своей повседневной практике тех поворотов внимания, которые отметили развитие литературной науки второй половины века прошлого. В издательских пояснениях к полному своду ахматовских текстов прежде всего придется оглянуться на опыты структурального анализа стихотворного текста, на немалочисленные штудии по всевозможным проявлениям интертекстуальных связей и на разработанные на многообразном полевом материале исследования по рецепционной эстетике, истории читателя и психологии чтения.²

Распадение общего эрудиционного поля, заведомое несходство эстетических, стилевых и общественных предпочтений у сегодняшнего читателя с автором «Четок» и «Реквиема» вносят поправку в предсказание Георгия Адамовича почти вековой давности: «Обособленное положение Ахматовой в нашей современной литературе отчасти объясняется именно тем, что стихи ее написаны начисто, окончательно. В них „литературы“ очень мало, и трудно представить себе время, когда они перестанут быть понятными. Едва ли такие времена скоро наступят».³

Обманчивая прозрачность ахматовского письма — едва ли не главная опасность, подстерегающая теперешнего комментатора. И ощущение скрытой угрозы непонимания, упущенных смыслов и слишком глухих намеков может привести к форсированной экзегетике. В случае Ахматовой немало релевантных наблюдений, правдоподобных догадок и достоверных справок накоплено и освоено в ряде комментированных изданий, но встречаются и случаи комментаторской гиперкоррекции, того известного почти каждому комментатору эпизодически посещающего соблазна «lectio difficilior» («трудное чтение»). Таково, например, натянутое прочтение строк о двойничестве лирической героини в «Северной элегии» (1944) —

И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,

¹ См. об этом: *Лавров А. В.* Проблемы академических изданий классиков русской литературы // Вестник Российской Академии наук. 2011. Т. 81. № 11. С. 970–980.

² См.: *Timenchik R.* Early Twentieth-Century Schools of Reading Russian Poetry // Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Milano, 2020. Vol. 2. Edited by D. Rebecchini and R. Vassena. P. 241–257; а также другие материалы этого трехтомника, целиком посвященного обсуждаемой проблематике.

³ *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено (Париж). 1927. 3 апр.

Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, все, что можно.
Я не в свою, увы, могилу лягу⁴ —

как обозначения тезки, Анны Николаевны Гумилевой (урожденной Энгельгардт), второй жены Гумилева, умершей в блокаду, — или объяснение к строфе «Новогодней баллады» (1924) —

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!»⁵ —

что это земля племени, поселившегося в эпоху расселения восточных славян по среднему течению Днепра, а не простые поляны, вроде тех, что перечислены в блоковском «Последнем напутствии»:

Что ж, конец?
Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе.⁶

Но дело не столько в отдельных ошибках, неправомερных допущениях, неправильном считывании, сколько в пренебрежении опытом нескольких поколений читателей, которые, в числе прочего, проходили через ошибки понимания и через завихрения гиперинтерпретации. Материалы, документирующие историю прочтения ахматовских стихотворений, в избытке присутствуют в печатных и пока рукописных источниках, и дело только в активизации их. В изложенных ниже моментах содержания комментарийных статей предполагается отвести ключевую роль голосу «исторического читателя», фиксации и анализу его откликов. Эти сведения о рецепции должны не только продемонстрировать полифонию мнений критиков, что и так автоматически происходит в своды выписок, но и анализировать позицию высказавшегося, его принадлежность к литературным партиям, степень его предвзятости или групповой ангажированности, его самооценку (например, особая оказия: женщины-поэтессы или их почитатели-продвигатели). Реплики при первочтении (но и при перечитывании) отмечают наиболее памятные раздражители, «сильные места» — те «острия», функцию которых осознал в своей поэтике Александр Блок,⁷ а молодая Ахматова первым читателям представляла «в ее роли смелой обновительницы, уравновешивающей гигантское беспорядочно-одухотворенное воздействие преобразователя Блока чертами своего нового, до последних слов договоренного реализма».⁸ Доминирующее восприятие юной

⁴ Ахматова А. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья А. А. Суркова; сост., подг. текста и прим. В. М. Жирмунского. Л., 1976. С. 331 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Блок А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.; СПб., 1997. Т. 3. С. 184.

⁷ «Всякое стихотворение — это покрывало, растянутое на остриях нескольких слов» (Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 84).

⁸ Пастернак Б. Новый сборник Ахматовой (1943) // Ахматова А. Стихи. Переписка. Воспоминания. Иконография / Сост. Э. Проффер. Анн Арбор: Ардис, 1977. С. 86; «Все это противостоит принципам символизма, хотя с Блоком есть сближения: лирика тревоги <...> Трагический образ героини. Родство с Блоком» (Эйхенбаум Б. Об А. А. Ахматовой. Тезисы и наброски к докладу

постсимволистски как обновительницы, одной из «ищущих „нового“ на „старых“ путях»,⁹ отвечало рабочей программе ее кружка и ее непосредственного наставника: «...поэзия, помня, что [новизна] неперемное условие ее существования, неустанно ищет новых и новых средств воздействия».¹⁰ Историко-литературный комментарий обязуется эти «сильные места», звучащие «остро» и «ново»,¹¹ обозначить. К таковым, к «прозы пристальным крупичам», по слову Б. Л. Пастернака, принадлежали вводимые в стихоряд фрагменты «вещного мира» и психологизированного пейзажа.

Например, 19 ноября 1926 года Ахматова перебирала старые стихи: «„Над засохшей повиликой мягко плавают пчела“, — выл Недоброво от восторга. <...> Шилейко (стихотворение: «Дверь полуоткрыта...», 1911). <sic!> „На столе забыты / Хлыстик и перчатки“ — говорит, что фурор производили и повторялись всеми эти строки. А теперь как звучат они?»¹² В. М. Жирмунский писал в 1916 году: «Всякое душевное состояние, всякое настроение в стихах Ахматовой обозначается соответствующим ему явлением внешнего мира. Воспоминания детства, это значит: „В ремешках пенал и книги были, / Возвращалась я домой из школы“»¹³ (здесь, возможно, комментатор должен оговорить, что эта предметная деталь уже в 1910-е годы могла вызывать ностальгические ассоциации¹⁴).

Сергей Городецкий подытоживал в 1920 году: «Фиксируя внимание свое на деталях жизни, строго проверенных оком художника, она под маской незначительного эпизода скоро научилась показывать глубокие минуты душевной жизни. У русской песни взяла она манеру параллелизма, когда анализ

ду в Доме Ученых 7 января 1946 // День поэзии 1967. Л., 1967. С. 170–171). См. также инскрипт на сборнике «Четки»: «Александру Блоку Анна Ахматова. / От тебя приходила ко мне тревога / И умение писать стихи. / Весна 1914 г. Петербург» (Библиотека А. А. Блока. Описание / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984. Кн. 1. С. 14).

⁹ Брюсов В. Год русской поэзии (апрель 1913 — апрель 1914) // Русская мысль. 1914. № 7. С. 19 (3-я паг.).

¹⁰ Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии / Сост., вступ. статья Г. М. Фридендера; комм. и подг. текста Р. Д. Ти́менчика. М., 1990. С. 60. В посмертной публикации статьи «Читатель» (автограф которой неизвестен), отмеченной явными текстологическими несообразностями, эмендированное нами слово напечатано как «повитка» (Щех поэтов. П–Ш. Берлин, 1923. С. 100), что может быть реконструировано и как «новитка»: «Новитка, новинка, ж. всякая новость, новизна, новая выдумка» (Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд., испр. и значительно доп., изд. под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. СПб.; М., 1905. Т. 2. И–О. Стлб. 1426); ср., вероятно относящееся и к Гумилеву свидетельство: «Едва ли не первый из современных поэтов, начавший читать Даля, был Вячеслав Иванов. Во всяком случае, современные поэты младшего поколения под его влиянием подписались на новое издание Даля» (Волошин М. Лики творчества / Изд. подг. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров. Л., 1988. С. 535).

¹¹ О почти единодушном ощущении «остроты» стихов Ахматовой в 1910-е годы см.: Ти́менчик Р. 1) Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8. С. 44–46; 2) Поэтика ранней Ахматовой: «повышенная суггестивность» // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. «История и филология». 2010. № 4. С. 157–166.

¹² Лукницкий П. Н. Асумиана: Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М., 1997. Т. II. 1926–1927. С. 225.

¹³ Анна Ахматова: pro et contra. Антология / [Сост.: С. Коваленко]. СПб., 2001. Т. 1. С. 145.

¹⁴ Ср.: «Маша <...> уложила книги в ремешки, в которых носила в гимназию свои учебные принадлежности» (Анненская А. Н. Мои две племянницы. Сборник рассказов для детей. 4-е изд. СПб., 1910. С. 48). Напомним, что интерпретация стихотворения, начинающегося этими двумя строками, радикально изменилась в последовавшую историческую эпоху: «Целая „философия“ вложена в законченные восемь строк: и любовь, доминирующая над всем, определяющая собой все существование («он» изменил — и жизнь безрадостна), и пассивное, зависимое положение женщины, и противопоставление милого детства с его миром надежд разочаровывающей действительности. Есть здесь тонкость оттенков и полутонов; ни одного резкого жеста или слова; самые тяжелые переживания выражаются сдержанно, благовоспитанно и, может быть, не без любования собственной томностью» (Никонов Вл. Поэт Октябрьского поколения [Рец. на: Александрова З. Биография песни. М., 1934] // Художественная литература. 1935. № 7. С. 24).

переживания базируется на каком-нибудь эпизоде из жизни природы. Кленовый листопад, случайный майский снег, сухая иммортель, апрельский вечер, даже, наконец, просто понедельник, двадцать первое число какого-то месяца дают реалистический упор ее очень тонким, часто даже зыбким чувствам. В этом умении найти характерную деталь в повседневности она следует за Иннокентием Анненским, отбрасывая однако его неподражаемый снобизм».¹⁵

«Сильные места» выделяются идущими за Ахматовой стихотворцами, будучи взяты в эпиграфы, в заимствования, в перепевы.¹⁶ Напоследняя строка в стихотворении Н. С. Резниковой: «И пахнут табаком мои густые косы!»,¹⁷ присвоившая финал стихотворения «Протертый коврик под иконой...» из «Четок» («И в косах спутанных таятся / Чуть слышный запах табака»), оценивавшийся как «художественный» и «суггестивный»,¹⁸ видимо, отчасти потому, что он отсылает к топике эротического нарратива.¹⁹ В «наивно откровенном» перепеве Н. Ю. Поплавской, приводившемся в работе о стихотворных обращениях к Ахматовой, —

Мы сегодня поссорились страшно,
Неужели он не придет?

¹⁵ Закарян А. А. С. Городецкий о книге «Белая стая» А. Ахматовой // А. А. Ахматова: русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 25–26 сентября 2019 г. Ереван, 2019. С. 150.

¹⁶ См. подробнее: *Тименчик Р.* Успехи Анны Ахматовой // Литературный факт. 2018. № 9. С. 244–263. В эпиграфы часто отбираются строки провокативные, содержащие психологические парадоксы, например: «Сочинил же какой-то бездельник, / Что бывает любовь на земле» (из стихотворения «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...») к рассказу музыканта и филолога Вс. Кларына «Любовь на земле» (Слово. Воскресное иллюстрированное приложение (Шанхай). 1931. 20 сент.); ср.: «Некоторые люди любят повторять, что не верят в любовь. Для меня это звучит так же, как если бы они заявили, что не верят в воздух, которым дышат. Ахматовские строчки: „Придумал <sic!> какой-то бездельник, / Что бывает любовь на земле“ — не больше, чем раздраженная реакция утомленного психологизмом сознания. Если бы Ахматова усомнилась в существовании любви на самом деле, то не писала бы об этом стихов...» (*Мандельштам Ю.* О любви // Литературный смотр. Свободный сборник. Париж, 1939. С. 69).

¹⁷ *Резникова Н.* Как страстно я люблю земной и вечный мир! // Рубеж. (Харбин). 1934. № 47. С. 8; Резникова (в замужестве Дерюжинская) Наталья Семеновна (1912–1994) — поэтесса и прозаик, критик, неоднократно писавшая об Ахматовой и передававшая этот интерес своим героиням, например: «Целыми часами могла она читать стихи Ахматовой, очевидно находя в них отзвук своих чувств: — Оба мы в страну обманную забрели и горько каемся...» (*Резникова Н.* Раба Афродиты. Харбин, 1936. С. 131).

¹⁸ См., например: «...тонкая и чуткая поэтесса рассказывает так ненавязчиво, так художественно и так целомудренно» (*Рунт Б.* Скорбная улыбка. О стихах Анны Ахматовой // Женское дело. 1914. № 9. С. 12); «Быстрые краски и оттиски быстрых примет самой обыденной жизни одухотворены в стихотворениях Анны Ахматовой тонкой и чарующей наблюдательностью... <...> Ведь это — простейшая картинка; на каждом шагу, в каждом доме ее можно было бы увидеть, но, именно потому, что она — простейшая, никто ее не видел, никто ее так тонко не изобразил. Тут и комедия, тут и драма молодого сердца, и живопись, и кинематограф» (*Чунов М.* [Ясинский И. И.]. [Рец. на: Ахматова А. Четки [Пг.: Гиперборей, 1914.]] // Новое слово. 1914. № 7. С. 158); «Для изображения всякого, даже огромного чувства она пользуется мельчайшими, почти незаметными, микроскопическими малыми образами, которые приобретают у нее на страницах необыкновенную суггестивную силу. Читая у нее, напр<имер>, о какой-то девушке, в косах которой таятся „чуть слышный запах табака“, мы, по этой еле заметной черте, догадываемся, что девушку целовал нелюбимый, оставивший у нее в волосах табачный запах своих поцелуев, что этот запах вызывает у нее гадливое чувство, что она поругана и безысходно несчастна. Так многоговорящи у Ахматовой еле заметные звуки и запахи» (*Чуковский К.* Ахматова и Маяковский // Дом искусств. 1921. № 1. С. 28).

¹⁹ Ср., например: «— Боже мой, как от вас несет табаком! — воскликнула Жюли, отворачиваясь. — Оставьте мои волосы в покое, а то они пропахнут табачным запахом, и я не смогу от него отделаться» (*Мериме П.* Собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 561). См.: *Тименчик Р.* Текст в тексте у акмеистов // Труды по знаковым системам. 14. Текст в тексте. Тарту, 1981. С. 71 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 567).

Я сбежала по лестнице с башни,
Я бежала за ним до ворот.

Я сказала: «Мой друг, это шутка,
Я люблю бесконечно и жду».
Он ответил упрямо и жутко:
«Я сегодня к тебе не приду»²⁰ —

умывается финал стихотворения «Сжала руки под темной вуалью...» из «Вечера», так же как другая поэтесса впечатлилась строкой «Как забуду? Он вышел, шатаясь» из этого стихотворения: «Да, он ушел, надел пальто, / Неловко сгорбившись, как пьяный».²¹ Прославленный финал, восхищавший²² и раздражавший²³ (для иных читателей, проецировавшийся на смутно известную биографию поэтессы²⁴) — «спокойная окончательность слов любовника»,²⁵ «с той невозмутимостью мужчины, которая, маскируясь внешней корректностью, наносит самые чувствительные обиды женскому сердцу»;²⁶ с «ироническим завершением лирического настроения, которым проникнуто стихотворение, как у поздних романтиков и Гейне».²⁷ «Вопль любящей женщины заглушается пошлым бесчеловечием любимого; убивая, он заботится о ее здоровье: „не стой на ветру“. Это образец того, как интимное человеческое, обычное в сущности, превращается в факт трагической поэзии».²⁸ «„Уйдешь, я умру...“ и „не стой на ветру“ ясно и четко, и ритмически, и синтаксически приравнены друг к другу, и сквозь это видимое равенство ритмико-синтаксических форм прорывается трагический акцент их сопоставления».²⁹ «Чем проще слова, тем больше впечатление».³⁰ Финал этот, спародированный В. А. Зоргенфреем, —

Милый ушел, усмехнувшись криво,
С поднятым воротом пиджака.

²⁰ Богомолов Н. А. «Таким я вижу облик Ваш и взгляд» // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 37. О Наталье Юлиановне Поплавской см.: Поплавская Н. Стихи зеленой дамы: 1914–1916 / Подг. текста, биографический очерк и комм. А. Шермана. [S. l.]: Salamandra P.V.V., 2017 (Библиотека авангарда; вып. XXVIII).

²¹ С. Г. [Гордеецкий С. М.]. [Рец. на: Вечорка Т. Магнолии. Тифлис. 1918] // Кавказское слово. 1918. 3 окт.

²² «Здесь, в этой краткости, в этом внутреннем дрожании, <...> в нервном пульсе, слышимом в изящных строчках, откровение стиха и откровение могучей женственности, прочувствованной эмоциональной стороной духа» (Сахновский В. О современной женщине в современной литературе («Четки» Анны Ахматовой, «Идущие мимо» Анны Мар) // Новь. 1914. 23 мая).

²³ См. свидетельство о разговоре 1930-х годов: «Надя (Н. Я. Мандельштам. — Р. Т.) резко критикует безкусные завершения в некоторых стихотворениях из „Четок“ и „Белой стаи“: „Как можно писать — „Даже тот, кто ласкал и забыл“ или „Улыбнулся спокойно и жутко“?..“» (Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 53).

²⁴ Ср.: «...„небольшой“, но очень характерный эпизод из его собственной жизни, который рассказала Ахматова, эпизод, показывающий, что он умел и сам поступать так, как учил. „Как забуду? Он вышел, шатаясь <...> И сказал мне „Не стой на ветру!“ Так он, мужественный и „спокойный“, реагировал на самое страшное в его жизни» (Пуцято И. Николай Степанович Гумилев, поэт-конквистадор // Гумилев Н. Собр. соч.: Жемчуга. Шанхай, 1940. С. 26).

²⁵ Driver S. Anna Akhmatova: Early Love Poems // Russian Literature Triquarterly. 1971. Vol. 1. P. 308.

²⁶ Рунт Б. Скорбная улыбка. О стихах Анны Ахматовой. С. 12.

²⁷ Цит. по: Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Анна Ахматова: pro et contra. Т. 1. С. 143.

²⁸ Платонов А. Анна Ахматова // День поэзии 1966. М., 1966. С. 273.

²⁹ Гиришман М. М. Стихотворная речь // Теория литературы: [В 3 кн.]. М., 1965. Кн. 3. С. 324.

³⁰ Шаховская Э. Женский облик (Анна Ахматова) // Русский еженедельник в Бельгии. 1934. 20 апр.

Крикнула: «Стой! Я еще красива!»
А он: «Нельзя. Тороплюсь. Пока!»³¹

и С. А. Малаховым:

Задыхаясь, ты крикнул: — Анютка!
Я на лесенку села: — Ну что?
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал: — Не протри пальто!³²

неоднократно имитировался в русской литературе: «Это образно-композиционный прием, отвоеванный, как сказано, у прозы. Но, разработанный в миниатюрах Ахматовой, он позднее появился не только у лириков, но и у новеллистов».³³

Комментарий призван ответить на вопросы, предъявлявшиеся текстом историческому читателю, высветлять те фрагменты текста, которые принудительно останавливали внимание при первочтении или при необходимости компактной интерпретации.

Рассмотрим подробнее один пример, вызывавший затруднение у читателей, интерпретаторов, переводчиков. Он взят из апокалиптического³⁴ стихотворения, выделявшегося из обычной ахматовской тематики,³⁵ написанного в 1919 году в отрезанной от страны бывшей столице, в истоме неволи,³⁶ под толки о расстрелянных заложниках (все это, конечно, сегодня нуждается в историческом комментарии, несмотря на былые восклицания пролетарской критики³⁷) — «самое мрачно-безысходное стихотворение, в котором свою страну, где, как во время чумы, белая смерть метит дома крестами,

³¹ *Moriturus* [Зоргенфрей В. А.]. Литературный некрополь // Красная новь. 1925. № 10. С. 280.

³² Малахов С. Анна Ахматова («Настоящую даму не спутать...») // Альманах «Удар». М., 1927. С. 199.

³³ Озеров Л. Работа поэта. М., 1963. С. 185.

³⁴ Зачин стихотворения — едва ли не цитата из Ветхого Завета: «Не говори: „отчего это прежние дни были лучше нынешних?“ потому, что не от мудрости ты спрашиваешь об этом» (Ек. 7: 10). Ср.: «Ахматова доходит в 1919 году до полного отчаяния и говорит уже почти неживыми словами. Голосом потусторонним, переносящим читателя в храм, где отпевают покойника, или в город, опустошенный страшным пламенем, звучат ее слова в 1919-м году» (*Северская Е. Венец из терний и роз // Смена вех. 1922. № 16. С. 19*).

³⁵ Ср.: «...непосредственный отклик на то, что черным кошмаром нависло над жизнью России, только редко можно найти в ее стихах. Но в „Подорожнике“ есть восьмистишие, которым мне хотелось бы кончить сегодня: восьмистишие, необычайное по законченности формы, и в то же время такое глубокое и неожиданное в каком-то особенном, мистическом, тоже бесконечно женском, восприятии происходящего в России» (*Раич Е. [Рабинович Е. И.]. Четки и Подорожник // Голос России (Берлин). 1921. 16 окт.*).

³⁶ Ср.: «...старается понять и оправдать совершившееся. Но начав вызывающим вопросом: Чем хуже этот век предшествующих? — ей, однако, приходится признать в конце, что в России царит смерть, и в этом стихотворении смерть не кажется мгновенным капризом поэтессы, но самой отчаянной, самой реальной действительностью» (*Зноско-Боровский Е. Творческий путь Анны Ахматовой // Воля России (Прага). 1923. № 10. С. 79; при воспроизведении этой статьи в антологии «Анна Ахматова: pro et contra» цитируемая страница купирована*); «И нет слов кроме ее слов для того отчаяния, для той последней муки, с которой она обращает гаснущий взор к нам, в нашу юдоль, нет слов для этого все слабеющего стука о стену тюрьмы» (*Левинсон А. Стучат! Очерки литературной жизни // Последние новости (Париж). 1921. 9 нояб.*).

³⁷ Ср.: «Поэзия малых чувств хочет стать поэзией политических обобщений. Это написано в 1919 году, и смысл написанного понятен без комментариев» (*Селивановский А. Очерки русской поэзии XX века // Литературная учеба. 1934. № 8. С. 31*); об этом стихотворении как документе «внутренней эмиграции» см.: *Геоздев А., Пиотровский А. История советского театра: Очерки развития. Л., 1933. Т. 1. С. 117; Майзель М. Краткий очерк современной русской литературы. М.; Л., 1931. С. 23*.

сопоставила с Западом, где все так же „земное солнце светит“.³⁸ Оно было внесено автором в альбом К. Чуковского 11 января 1920 года:

Чем хуже этот век предшествующих, разве
Тем, что в чаду печали и тревог
Он к самой черной прикоснулся язве,
Но исцелить ее не мог.

Еще на западе земное солнце светит
И кровли городов в его лучах горят...³⁹
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов и вороны летят.⁴⁰

Против последних двух строк И. А. Бунин пометил в экземпляре сборника «Подорожник» (1921): «Кто это?»⁴¹ Переводчица на французский поясняла содержание стихотворения навстречу ожидаемому вопросу: «Его герой — век; его эмоциональный колорит определяется Белой (термин более обобщенный, чем смерть)».⁴² Переводчик на английский (в том числе и переводчик русских сказок), фольклорист, путешествовавший в Россию — Чарльз Коквелл (1856–1940), к тому же, видимо, пользовавшийся консультациями Д. П. Святополк-Мирского, оговаривал: «Белая здесь должна пониматься, как символ Смерти. Сравни: „Pallida Mors“.⁴³ С другой стороны, крест, начертанный на воротах дома, когда-то считался оберегающим от зла».⁴⁴ Спустя четыре десятилетия вопрос вставал перед дотошным читателем (Э. Райсом): «Для Ахматовой политические бедствия — испытание свыше, тяжкий млат, кующий булат сильных духом. Старый мир погиб безвозвратно, потому что он „к самой чер-

³⁸ Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие: Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой / Пер. с англ. М. Ти́менчика; предисловие А. Наймана; комм. В. Черных и др. М., 1991. С. 77.

³⁹ Впоследствии «горят» заменено на «блестят» (Ахматова А. Стихотворения и поэмы. С. 143, 397).

⁴⁰ Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского / Сост. Е. Чуковской. М., 1999. С. 113.

⁴¹ Ти́менчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Slavica Revallengia. 2018. Vol. 5. С. 273.

⁴² Izdebska H. La poésie russe des journées Bolshéviques // Esprit nouveau. 1921. № 11–12. P. 1232 («Le siècle en est le héros, La Blanche (terme plus général que la mort) décide de son coloris sentimental»). Переводчики стояли перед выбором: сохранять ли эвфемизм в виде субстантивированного прилагательного или вводить в стих расширительное пояснение: «Ici, une femme blanche marque d'une croix les maisons / Et appelle doucement les corbeaux» (Ахматова А. Poème (Pourquoi ce siècle est-il pire que les autres? Peut-être...) / Trad. É. Ehrenburg et Fr. Hellens // Les cinq continents: anthologie mondiale de poésie contemporaine / Par I. Goll. Paris, 1922. P. 216; здесь и далее в этом примечании курсив мой. — Р. Т.). «Mais ici la Mort Blanche trace des croix sur les maisons» (Motchoulsky C. La poésie russe contemporaine: Anne Akhmatova // Foi et vie: revue de quinzaine, religieuse, morale, littéraire, sociale. 1923. № 12. P. 666); «Tandis qu'ici déjà, la Blanche marque de croix les maisons» (Brian-Chaninov N. Les «jeunes» moscovites // La nouvelle revue. 1923. 15 mai. P. 103; перевод Людмилы Савицкой); «Hier sieht die Weiße man an Häusern Kreuze malen» («Dein Lächeln noch unbekannt gestern» (Verse russischer Frauen) / Von J. von Guenther. Heidelberg, 1958. S. 52), и т. д.

⁴³ «Pallida mors aequo pulsata pede pauperum tabernas requique turres» (Horace, Carmina 1.4.14–15). Пер.: «Бледная смерть стучится и в хижины бедняков, и в царские дворцы».

⁴⁴ Russian Poems / Translated with Notes by C. Fillingham Coxwell; with Introduction by Prince Mirsky. London, 1929. P. 303; сгущенность семантического напряжения в энигматичной номинации сказывается в характерной описке: «...какими-то вещами кажутся нам эти слова женской мудрости: <...> „А тут уж черная <sic!> дома крестами метит, / И кличет воронов, и вороны летят“» (Раич Е. [Рабинович Е. И.]. [Рец. на: Ахматова А. Четки. Белая стая. Алпо Domini. Изд. «Петрополис» и «Алконост». Пбг.—Берлин] // Русская книга заграницей (Берлин). 1924. № 1. С. 13; здесь, разумеется, играет свою роль постоянный эпитет к «ворону» — «черный»).

ной прикоснулся язве, но исцелить ее не мог“. Но... кто эта таинственная „белая“, которая „дома крестами метит“? Крестным ли знаменем каких-то будущих свершений или пометкой для созываемых ею воронов?»⁴⁵

Недоумение (возможно, сделанное) И. Бунина и интерпретационная развилка Э. Райса могут быть следствием подавленной реакции на «сильное место», показательным образцом какой-то явилась оценка К. А. Федина: «...стихи А. Ахматовой и Н. Гумилева — обычны для этих авторов»⁴⁶ — странность ее становится зримей, если вспомнить, что Гумилев дал в журнал стихотворение «Заблудившийся трамвай».

Сегодняшнему комментатору предстоит решать, нужно ли для восстановления объема обязательных ассоциаций у исторического читателя вставлять ссылки на ряд актуальных для 1919 года литературных текстов — на выразительный и зловещий эпизод в «Хронике времен Карла IX» П. Мериме, когда герой еще не понимает, что делает принятый им за фуражира незнакомец, помечающий меловым крестом дверь,⁴⁷ или на другие сочинения об истреблении гугенотов (как в стихотворении Бориса Пастернака, напечатанном в его сборнике «Поверх барьеров» в 1917 году: «Все в крестиках двери, как в Варфоломееву / Ночь»⁴⁸), или на описание города после ухода марсиан в главе «Мертвый Лондон» в «Войне миров» Герберта Уэллса: «А местами, где лучи его попадали на ребро белого карниза какой-нибудь крыши, они казались еще ярче, еще ослепительнее».⁴⁹ Представляется, что именно на пересечении всех этих интертекстуальных линий обнаруживается полновесное смысловое наполнение мифологической фигуры антропоморфизированной смерти.

Заметим, что ощущение «силы» стихотворения подкрепляется у читателя ореолом метра: «Тяжелый, точно ступающий окованной обувью, шестистопный

⁴⁵ Бусин М. Анна Ахматова. Человек и поэт // Анна Ахматова: pro et contra. Т. 2. С. 349; в цитируемом издании псевдоним автора, напечатавшего статью в эмигрантском журнале «Возрождение» (1966. № 72), не раскрыт. Это — Эммануил Матусович Райс (1909–1981), блистательный и импульсивный знаток русской поэзии; заметим, что изначально он не был специальным поклонником Ахматовой, еще в феврале 1964 года он писал Б. А. Филиппову: «Но насчет готовящихся Ахматовой и Волошина, я Вам дать статей не смогу, по той простой причине, что я их не люблю. Сомневаюсь, чтобы они выдержали испытание временем. Ахматова — писательница такого же толка, что и Некрасов, с той только разницей, что она кликуша на самом деле, тогда как Некрасов — весьма ловкий делец — только кликушествует и притворяется. Мог бы их (Ахматовой и Волошина) — разделить» (Библиотека редких книг и рукописей Бейнеке (Йельский университет). Boris Fillipov Papers. GEN MSS 334. Box 5. Folder 177; за сообщение сердечно благодарю А. А. Долинина); отношение к М. Волошину он тоже вскоре во многом изменил — см. его статью «Максимилиан Волошин и его время» (Волошин М. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Общ. ред. Б. А. Филиппова, Г. П. Струве и Н. А. Струве. Paris: YMCA-Press, 1982. Т. 1. С. XXXIII–CV).

⁴⁶ Федин К. [Рец. на: Дом искусств. № 1] // Книга и революция. 1921. № 8–9. С. 86; ср. также: «Гумилев, Ахматова, Мандельштам повторяют себя. Совершенно по четкости рисунка, по прозрачности красок „Ассизи“ Кузмина» (Москвич. «Дом искусств». Кн. 1 // Новый путь (Рига). 1921. 16 апр.; С. О. Мандельштам представлен стихотворениями «Я слово позабыл, что я хотел сказать» и «Возьми на радость из моих ладоней...»).

⁴⁷ Ср.: «Un peu plus loin il remarqua un homme mal vêtu qui s'arrêtait devant quelques maisons et qui marquait les portes en faisant une croix blanche avec de la craie. / — Bonhomme, êtes-vous donc un fourrier pour marquer ainsi les logements ? / L'inconnu disparut sans répondre» (Mérime P. Chronique du règne de Charles IX: suivie de La double méprise et de La guzla. Paris, 1874. P. 174); ср. в переводе М. А. Кузмина: «Немного далее он заметил плохо одетого человека, который останавливался перед некоторыми домами и мелом отмечал двери белым крестом. / — Дядя, вы — фурыер, что ли, что так отмечаете квартиры? / Незнакомец исчез, ничего не ответив» (Мериме П. Собр. соч. М.; Л.: Academia, 1934. Т. 1. С. 218).

⁴⁸ Пастернак Б. Полн. собр. стихотворений и поэм / Сост., подг. текста и прим. В. С. Баевского и Е. В. Пастернак. СПб., 2003. С. 84.

⁴⁹ Уэллс Г. Д. Борьба миров / Пер. с англ. Э. К. Пименовой. М.; Берлин, 2015. С. 200; в оригинале: «And here and there some facet in the great wilderness of roofs caught the light and glared with a white intensity» (The Works of Wells. London, 2016. Vol. 1. P. 339).

ямб здесь явился самым выразительным метром». ⁵⁰ Приращенное переживание отдельных отрезков текста часто катализируется метрической их характеристикой. Например, в «Поэме без героя» стих «И факел Георг держал», уже в первой редакции снабженный сноской «Байрон», ⁵¹ вызвал неприятие у двух слушателей-билингв: «Берлин вспоминал, что был крайне удивлен тем, что в „Поэме“ Ахматова называет Байрона Георгом»; ⁵² «Вместо строки в „Решке“ „И факел Георг держал“ появилось „И Байрон факел держал“». ⁵³ Эта замена сделана из-за реакции одной из читательниц — знакомой Ахматовой, англичанки по происхождению. ⁵⁴ Ее удивила фамильярность тона русской поэтессы, говорящей о великом английском поэте. В Англии автора высмеяли бы за это. Этого неудачного замечания было достаточно, чтобы заменить поэтическую строку, знаменующую братство поэтов, прозаической справкой, годной для комментария. К счастью, впоследствии, оправившись от нанесенной читательницей травмы, Ахматова вернулась к первоначальному варианту». ⁵⁵

Но «выдвинутость», «цепкость» этого отдельного стиха объясняется еще и тем, что он — единственный в основном тексте поэмы без двусложной анакрузы. ⁵⁶

Как мы видели, «сильные места» опознаются по порождаемым ими у читателей противоположным реакциям — иногда диахронически разнесенным. Из множества примеров приведем несколько.

Т. Б. Лозинская, жена М. Л. Лозинского, пишет Н. П. Андиферову 9 июня 1945 года: «А сегодня я была в Ин<ститу>те Литературы на праздновании годовщины рождения Пушкина! <...> Ахматова читала стихи о Пушкине с таким неожиданным концом, что боюсь доверить свое впечатление бумаге, при личной встрече скажу». ⁵⁷ Речь идет о *pointe* ташкентского стихотворения 1943 года:

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?

⁵⁰ Трубецкой Ю. Анна Ахматова (Опыт анализа) // Литературный современник (Мюнхен). 1952. № 4. С. 94; ср.: «...написано то 6554-стопным ямбом (первый катрен), то сплошным шестистопным ямбом (второй катрен)» (Лилли И. К. Русская трехкатренная лирика: подступ к анализу // Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика: В честь 60-летия М. Л. Гаспарова. М., 1996. С. 183).

⁵¹ Ахматова А. «Я не такой тебя когда-то знала...». Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории / Изд. подг. Н. И. Крайнева. СПб., 2009. С. 174.

⁵² Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие: Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. С. 155.

⁵³ См.: Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 121.

⁵⁴ Речь идет о художнице и переводчице Татьяне Максимовне Литвиновой (1918–2011). См. запись в ее дневнике 7 мая 1964 года: «Эмма (Э. Г. Герштейн. — Р. Т.) сказала, что АА по-прежнему от меня в восторге (а неск<олько> лет не любила меня — за то, что я не признала поэму, и меня коробило «Георг»». Запись сопровождается позднейшим примечанием: «Мой слух резало то, что она называла Байрона „Георг“ — такого имени ни в англ<ийском>, ни в русском языке нет. Но она оставила» (Hoover Institution Archives, Stanford University. Ivy and Tatiana Litvinov Papers).

⁵⁵ Герштейн Э. Память писателя. Статьи и исследования 30–90-х годов. СПб., 2001. С. 564–565.

⁵⁶ Thompson R. D. B. The anapaestic dol'nik in the poetry of Aхmatova and Gumilev // Russian Language Journal (Ottawa). 1975. P. 47 (Toward a Definition of Acmeism / Ed. by D. Mickiewicz).

⁵⁷ Тименчик Р. Из «Именного указателя» к «Записным книжкам»: «Завистницы, соперницы, враги» // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева; под общ. ред. Д. Макфадына. М.; СПб., 2006. С. 505.

Шокировавшая слушательницу аллюзия опиралась на почтенную пушкиноведческую традицию⁵⁸ и оказалась вполне приемлемой для другого читателя: «Наблюдение, острота, заметка... — всего этого было бы мало для лирики. Но очарование интонации, возвращающей нас к знаменитой строфе из „Онегина“, мелодика стиха, легкость переходов и десятки других не поддающихся обозначению качеств делают этот один синтаксический период, эту одним дыханием произнесенную лирическую фразу маленькой законченной пиесой, как говорили в старину. Она, как мазурка или этюд Шопена, подхватывает вас, кружит, уносит, и вы поддаетесь этому обаянию, не ища слова для его точного обозначения...».⁵⁹

В 1965 году о стихотворении из цикла «Смятение» («Не любишь, не хочешь смотреть...») рецензент начального тома из первого опыта собрания сочинений Ахматовой писал: «„Четки“, где больше горечи и томительного раздумья и изощренной простоты (за единственным исключением — анекдотически безвкусной строчки «О как ты красив, проклятый!»). Невозможно понять, как только она написалась)...».⁶⁰ А читатель из круга Вяч. Иванова («нежный мой брат», называл его тот) С. В. Троицкий вспоминал в 1934 году: «Стихи ее почти всегда имели громадный успех. С певучей простотой они несли и „остроту“, обычно в одной фразе, строке; напр<имер>, „как ты красив, проклятый“, „разве ты не знаешь, что душа бессмертна“;⁶¹ на это указал как-то В. И., именно — на остроту».⁶²

Или такие столкновения оценок: «„Как соломинкой, пьешь мою душу. Знаю, вкус ее горек и хмелен... Когда кончишь, скажи“. Душа, словно какое-нибудь „glasé“ или лимонад к кофе!»;⁶³ «Ахматова не боится даже прозаизмов, зная, что одушевленные ее темпераментом, включенные в общую стихотворную ткань, они приобретают своеобразную поэтическую окраску. „Как соломинкой пьешь мою душу“, обращается она к другу».⁶⁴

О другом стихотворении из «Вечера»: «Мне лень нагибаться, чтобы вытащить из вороха книг, лежащих на полу, Анну Ахматову; где-то есть у нее

⁵⁸ *Томашевский Б.* Маленькая ножка // Пушкин и его современники. XXXVIII–XXXIX. Л., 1930. С. 76–78; *Розанов И.* Пушкин в поэзии его современников // Лит. наследство. 1934. Т. 16/18. С. 1033–1034.

⁵⁹ *Озеров Л.* Работа поэта. М., 1963. С. 189; см. некорректную критику этого воодушевленного монолога поэта (*Гончаров Б.* Эпитеты вместо анализа // Литературная газета. 1971. 19 мая) — он ценен фиксацией читательского переживания ахматовского текста. Ср. также запись в дневнике Т. М. Литвиновой от 29 октября 1959 года: «Читали стихи Ахматовой. Великолепны некоторые: „Пушкин“ (Кто знает, что такое слава), „Памяти Блока“ (он прав — гранит, фонарь, аптека), „Осень“ из Переца Маркиша. „Творчество“ — совершенная классика» (Hoover Institution Archives, Stanford University. Ivy and Tatiana Litvinov Papers).

⁶⁰ *Большухин Ю.* Анна Ахматова — том I // Новое русское слово. 1965. 12 дек.; соиздатель (вместе с Г. П. Струве) собрания сочинений Б. А. Филиппов писал Ю. Большухину: «Васисуалий Лоханкин, увы, посещал иногда не только страницы ранних ахматовских тетрадей, но и других поэтов десятых годов. Чаще всего — Гумилева. У него эдаких „тигриц“ и „О, как ты красив, проклятый“ — не перечесть. <...> Увы, немало этого было в годы „Аполлона“... А Ахматова уж слишком даровита: можно ей многое простить за „Поэму без героя“, „Россию Достоевского“ и многие стихи 1924–1965 гг.» (сообщено А. А. Долининым).

⁶¹ Финал стихотворения «Дверь полуоткрыта...» (1911): «Знаешь, я читала, / Что бессмертны души» (*Ахматова А.* Стихотворения и поэмы. С. 30).

⁶² *Троицкий С. В.* Воспоминания / Публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 63 (Историко-литературная сер. Вып. 1. Вячеслав Иванов. Материалы и публикации / Сост. Н. В. Котрелев); ср.: «Это — душа страстная, хищная, по-дикарски берущая в плен и с дикарской злостью, со стиснутыми зубами чувствующая, что сама попала в неволю. / Не любишь, не хочешь смотреть. / О как ты красив проклятый!..» (*Аякс* [Измайлов А. А.]. Только любовь // Биржевые ведомости (веч. вып). 1914. 13 июня).

⁶³ *Тальников Д.* Анна Ахматова. «Четки» // Анна Ахматова: pro et contra: Антология. Т. 1. С. 111.

⁶⁴ *Рудин Дм.* [Александров Р. Н.]. Русская женщина // Новое слово (Берлин). 1944. 25 июля.

игрушечные лошадки или что-то в этом роде»;⁶⁵ «...не сразу распознается смысл той или иной строчки, той или иной детали, получающей в начале характер случайности:

По аллее проводят лошадок.

Почему уменьшительная форма — лошадок? Заглавие стихотворения — „В Царском Селе“ не дает разрешения. Но вот дальше читаем:

А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг, какаду.

Становится все понятно. Сковавший душу „предсмертный бред“ сделал и ее „игрушечной“ и окрасил также перед ней весь мир, и она вошла в иное, игрушечное мертвое царство».⁶⁶

«Сильные места», удивлявшие сквозной тенденцией, выписывал В. Г. Сахновский: «Но есть в ее поэзии странная одна черта. Анна Ахматова любит мертвое. Она часто сравнивает живое с мертвым. Она любит сравнить свод воздушный с синим стеклом. Или пишет: небо ярче синего фаянса,⁶⁷ или осень развесит желтые флаги на вязах,⁶⁸ или в разметавшихся косах заплетены иммортели и так сухо пахнут они. Или сравнит водяную гладь с синей скатертью»;⁶⁹ «Все образы, использованные этой вольной и капризной любовницей — женские, в привычном смысле, в смысле матери или хозяйки, семейны и домовиты, как в прекрасной метафоре, в которой влажная текущая поверхность становится „скатертью воды“».⁷⁰

«Сильным» делает фрагмент текста читательское вдохновение, и сильным может стать даже междустрофный интервал, как во влюбленном разборе Лидии Чуковской: «Как перевести пробел между строками, тот набираемый легкими воздух между двумя четверостишиями?

Хорошо здесь: и шелест и хруст;
С каждым утром сильнее мороз.
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.

Тут каждая строка в ледяном серебре инея. Но „вино прелести“, — белая бумага между строкой, завершающей первое четверостишие, и той, которая начинает второе. На вид пробел как пробел, но именно здесь набираешь в лег-

⁶⁵ Грузинов И. Конь. Анализ образа. Январь 1924 // Гостиница для путешественников в красном. 1924. № 4 (ненум.); этих «лошадок» помянул недобрый словом сердитый рецензент «Четок»: «Немало раздражают также стихи г-жи Ахматовой своим „лжеребяческим аспектом“» (Войтоловский Л. Парнасские трофеи // Киевская мысль. 1914. 11 мая).

⁶⁶ Зноско-Боровский Е. Творческий путь Анны Ахматовой // Воля России (Прага). 1923. № 10. С. 69–70.

⁶⁷ Ср. замечание о новизне колоризма: «У новореалистов, в противоположность символистам, <...> краски — преувеличенно режущие-яркие: <...> „небо ярче синего фаянса“» (Замятин Е. Соч. Мюнхен, 1988. Т. 4. С. 359).

⁶⁸ Строки из стихотворения «Мне с тобою пьяным весело...» вызывали на подражание: «Осень желтые флаги развесила / На поникших деревьях в саду...» (Долинов Г. Осень // Первый альманах литературно-художественного кружка. Одесса, 1918. С. 10). Л. К. Чуковская встретила этот образ в стихах молодой поэтессы в конце 1930-х годов (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 120).

⁶⁹ Сахновский В. О современной женщине в современной литературе («Четки» Анны Ахматовой, «Идущие мимо» Анны Мар) // Новь. 1914. 23 мая.

⁷⁰ Poggioli R. The Poets of Russia 1890–1930. Cambridge, Mass., 1960. P. 231.

кие морозный воздух в каком-то изнеможении от предчувствия горя и счастья — а может быть, и подъема в гору:

И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том...

На слове „память“ голос падает, потому что сердце падает, припомнив. След в душе и след на пышных снегах». ⁷¹

На примере этого стихотворения можно увидеть, как читатель делает «сильным» и кажущуюся техническую слабость текста: «Своеобразная постановка рифм *хруст–куст, мороз–роз*, дальше: *веках–снегах, о том–вдвоем* отвлекают внимание от конца стихов, перенося его равномерно на все протяжение стиха, делают пленительной „банальность“ этих рифм, видоизменяя семантический рисунок стиха по сравнению с рисунком при „богатых“ рифмах эпохи символизма». ⁷²

Исходя из приоритета информации о взаимодействии ахматовских стихов с читателями, нами и предлагается рубрикация комментарийной статьи в научном издании:

I. Выходные данные первопубликации и републикаций. II. Текстологическая справка. III. Паратексты. IV. Метрический облик. V. Разъяснение имен. VI. *Realia*. VII. Цитаты. VIII. Интертекстуальность. IX. Сильные места. X. Интермедиальная жизнь стихотворения. XI. Разное.

I. В этом разделе, как и в последующих, фактография предпочтительна не регистрирующая, а функциональная и аналитическая: репутация издания, история отношений Ахматовой с издателями и обстоятельства публикации. Обычная ситуация: Ахматова дала в журнал или газету 2–3 стихотворения, выбрано же было только комментируемое. Так, в Отделе рукописей ИМЛПИ хранится авторизованный список стихотворения «Шепчет: я не пожалею...» с датой рукой Ахматовой «21 марта 1922» и с пометой «Принято» — видимо, принято журналом «Москва», где было напечатано, но ведь, возможно, были и другие — с пометой «Не принято». Такой случай мы видим в ситуации отбора и отвержения П. Е. Щеголевым стихов для газеты «День» весной 1914 года. ⁷³

Следует отметить казусы, когда выход в свет медлил: «В 1912 году Ахматову, только что прославившуюся, кто-то из заправил „Нивы“ очень просил дать стихи. Ахматова немного поломалась: „У меня сейчас ничего нет, я вам пришлю“. И действительно, скоро прислала. Месяц спустя она получила от г-на Маркова свои стихи с запиской: „М. Г. К сожалению...“. Марков был не виноват — он делал свое дело. Об Ахматовой его не предупредили». ⁷⁴

Реальным субстратом этого анекдота у любившего присочинить мемуариста могло быть прохождение оставленной без движения, но потом вынудившей из долгого ящика ахматовской присылки, напечатанной-таки в «Ниве» через

⁷¹ Чуковская Л. Спуск под воду. Нью-Йорк, 1972. С. 83.

⁷² Из наследия Максима Кенигсберга / Подг. текста, публ. и предисловие Г. А. Левинтона // *Res Philologica: Essays in Memory of Maksim Il'ich Shapir* = Сборник статей памяти М. И. Шапира. Amsterdam, 2014. С. 341.

⁷³ *Тименчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 58. Так и стихотворение «В комнате моей живет красивая...», которое опубликовано нами по авторизованному списку из РГАЛИ (Тартуский государственный университет. 1982. 5 нояб.), поступившему в Литературный музей от И. С. Соломина-Клейнершегета, заведовавшего в начале 1911 года редакцией «Всеобщего журнала», в котором тогда же было опубликовано стихотворение «Старый портрет», было, вероятно, вторым и отвергнутым.

⁷⁴ Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 24.

8 месяцев после выхода «Вечера».⁷⁵ Весьма правдоподобно предположение комментатора, что именно об этой публикации шла речь в письме Н. Н. Пунина 1935 года: «Очень смеялась над Юрочкиным (искусствовед Ю. Д. Соколова. — Р. Т.) озорством, но потом все же вспомнила все стихотворение до конца; обвиняет в напечатании стихов Городецкого; любопытно, что некоторые стихи „Вечера“ написаны раньше».⁷⁶ Для истории этого стихотворения, никогда автором не перепечатывавшегося, немаловажно, что оно вошло в читательские биографии публикацией в популярнейшем издании. З. А. Авдеева в 1962 году писала Ахматовой из Петрозаводска: «Я сибирячка, в 1920 г. 13-летняя прочитала в журнале „Нива“ за 1912 г. стихи: „Приходи на меня посмотреть, / Приходи, я живая, мне больно...“ . Они очень поразили меня, хотя я еще не совсем поняла их, с тех пор я стала искать Ваши стихи и наслаждаться ими».⁷⁷ Из «Нивы» стихотворение заимствовалось в провинциальной периодике, например в газете «Северное утро».⁷⁸

Печатную/непечатную историю стихотворения «Я и плакала и каялась...» Ахматова рассказала П. Н. Лукницкому в 1925 году: «Стихотворение 1911 г. <...> „...Не напечатано случайно, может быть, в какой-то журнал давала, в редакцию долго лежало, а потом журнал закрылся. Что-нибудь такое. Надо его в издание «Петрограда» включить“ (АА)».⁷⁹

В комментариях к 6-томному собранию сочинений о стихотворении «Сразу стало тихо в доме...» сказано: «...кем передано в журн. „Аргус“ для публикации в качестве самостоятельного произведения — неизвестно».⁸⁰ В данном случае это устанавливается сравнительно легко — Н. Э. Радловым, в то время приглашенным составлять стихотворный отдел в «Аргусе», с ним в 1917 году у Ахматовой было дружеское сближение.⁸¹ Но важнее другое — правильно поставленный комментаторский вопрос: «кем передано для публикации», т. е. кто рекомедатель, отборщик, браковщик.⁸² Это же важно и в истории републи-

⁷⁵ Ахматова А. Приходи на меня посмотреть // Нива. 1912. № 44. С. 873. Представляется, что сходной была судьба рецензии Е. А. Зноско-Боровского на ее дебютный сборник, написанной в марте 1912 года (первая фраза: «Немного больше года прошло с тех пор, как имя Анны Ахматовой стало появляться на страницах различных периодических изданий»), но девять месяцев ждавшей тиснения (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». 1913. № 1. Стлб. 159–160; подп.: Евг. Зн.-Бор.).

⁷⁶ Письма Н. Н. Пунина Н. И. Харджиеву / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Крусанова // Архив Н. И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ. М., 2019. Т. 3 / Сост. А. Парнис. С. 183; С. М. Городецкий печатался в это время и в «Ниве», и в ежемесячных приложениях к журналу.

⁷⁷ РНБ. Ф. 1073. № 1339. Л. 2 об.

⁷⁸ Северное утро. Архангельск, 1918. № 226. 15 нояб. С. 1. По поводу этой явно несанкционированной перепечатки см. ироническое замечание А. С. Долинина-Искоза: «И Анна Ахматова шлет свои стихи в „Северное утро“ по радио, и вместе с ней левый с.-р. Клюев» (Долинин А. Русская литература за 1918 год // Возрождение Севера (Архангельск). 1919. 1 янв.).

⁷⁹ Лукницкий П. Н. Асумиана: Встречи с Анной Ахматовой. Париж, 1991. Т. I. 1924–1925 гг. С. 183; судя по нумерации в черновике (№ 229), оно относится к началу 1911 года, предшествуя черновику стихотворения «Я научилась просто, мудро жить...» (ИРЛИ. Ф. 408. № 6. Л. 6), которое было завершено в 1912 году во Флоренции и реконструкция творческой истории которого не несомненна (см.: Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1998. Т. 1 / Сост., подг. текста, комм., статья Н. В. Королевой. С. 736); книга в издательстве «Петроград» не состоялась, Ахматова включила стихотворение в сборник «Из шести книг».

⁸⁰ Там же. С. 842.

⁸¹ Письма Н. Э. Радлова Э. Я. Зандер // РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 44.

⁸² Так, к упоминавшейся выше первой петербургской публикации Ахматовой во «Всеобщем журнале» следует указать имя посредника. «1928. 19 мая. Рассказывала, что первое ее напечатанное в Петербурге стихотворение было напечатано при посредстве Ал. Толстого. Ал. Толстой отнес его в редакцию журнала, и оно было принято. Будто, это относится к зиме 1910–1911 (когда Н. С. был в Африке)» (Лукницкий П. Н. Дневник 1928 года. Асумиана. 1928–1929 / Публ. и комм. Т. М. Двинятиной // Лица. Биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 475). Ср.

каций. Например, «Это просто, это ясно...» впервые напечатано в газете «Петроградское эхо» (1918. 22 янв.), а потом в киевской газете «Свободные мысли» (1918. 21 окт.) и в сборнике «Стихи 1918» (М.; Одесса: Изд. «Современные проблемы», [1919]. С. 4). Это значит, что вместе с И. Василевским-Не-Буквой, редактором «Петроградского эха» стихи эти или в виде редакционного портфеля, или просто комплекта «Эха» перебрались в Киев, оттуда перепечатаны в Одессе (как можно предположить по составу альманаха — А. М. Федоровым).⁸³

Желательно также указание на исторические контексты первого и последующих вхождений текстов в читательский обиход, на место и время их обнаружения. Андрей Левинсон вспоминал три года спустя о стихотворении «А ты теперь тяжелый и унылый...»: «Нет предела этой жертвенной готовности принять горшную из мук, самое безысходное страдание, лишь бы жертва была запечатлена любовью. Тому порукой стихотворение, памятное среди всех, поразившее меня, еще когда появилось оно впервые на столбцах вечерней газеты в разгаре революционного пафоса и революционной суеты».⁸⁴ Газетные заказы к календарным датам, к Пасхе и Рождеству, предопределяли отбор стихов по наличию соответствующих праздникам мотивов.⁸⁵ Альманахи иногда предполагали тематическое единство, и соответствие или несоответствие ему являл существенную черту публикации, как в стихотворении «Целый год ты со мной неразлучен...», которое в числе прочих имеется в виду в журнальном отзыве: «Некоторые стихи помечены датами, предшествующими войне, и не имеют к ней отношения, но большинство говорит о войне».⁸⁶

В двух, по меньшей мере, дореволюционных случаях журнальные публикации налагали известное содержательное ограничение — специальные подборки акмеистических стихотворений в третьем номере «Аполлона» за 1913 год и в пятом номере «Заветов». С первым эпизодом связана история стихотворения «Я пришла тебя сменить, сестра...», о котором в 1939 году Ахматова сказала: «Это единственное мое стихотворение, которого я и сама никогда

два рекомендательных письма А. Н. Толстого (по поводу Ю. Л. Слезкина и А. Н. О'Рурка) к редактору журнала И. С. Соломину-Клейнершехету (РГА.ЛИ. Ф. 1156. Оп. 1. Ед. хр. 28).

⁸³ В другом случае — перепечатки из «Подорожника» стихотворения «Течет река неспешно по долине...» (Вольная Литва (Каунас). 1921. 14 июня) — очевидно, что дал его в газету только что эмигрировавший из Петрограда В. С. Познер.

⁸⁴ Левинсон А. Стучат! Очерки литературной жизни // Последние новости (Париж). 1921. 9 нояб. В газете «Петроградское эхо» (1918. 22 янв.) первая строка читалась: «А ты теперь — жестокий и унылый». И это вносит поправку в читательское ощущение Г. П. Струве, приводящего это стихотворение целиком в книжной редакции: «Как всегда у Ахматовой, необыкновенно богаты, остры и вечны ее эпитеты; их не заменишь другими и одними ими сказано так много: А ты теперь *тяжелый* и унылый...» (Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge). 2018. Vol. 6. С. 221). Обращенное к Б. В. Анрепу (Лукницкий П. Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926–1927. С. 43), оно, вероятно, как и все стихотворения Ахматовой, вызывало желание угадать адресата. Впоследствии американский литературовед видел в нем Гумилева (*Terras V. Poetry of the Silver Age. The Various Voices of Russian Modernism. Dresden; München, 1998. P. 168*), а в 1921 году Ю. И. Айхенвальд явно встраивал его в «блоковскую легенду»: «...но годы пройдут, а она его не забудет, он для нее — „непоправимо милый“, и пусть он теперь „тяжелый и унылый“, это не глушит ее чувства...» (Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 64). Блоку стихотворение не понравилось: «„Ее стихи никогда не трогали меня. В ее «Подорожнике» мне понравилось только одно стихотворение: «Когда в тоске самоубийства»“, — и он стал читать его наизусть. Об остальных стихах Ахматовой он отзывался презрительно: „— Твои нечисты ночи. / Это, должно быть, печатка. Должно быть, она хотела сказать: / Твои нечисты ноги“» (Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 11. Дневник. 1901–1921. С. 332).

⁸⁵ См. подробнее на примере Ахматовой: Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX в. / Авторизованный пер. с англ.; предисловие Н. В. Котрелева. М., 1993. С. 329–347.

⁸⁶ Кратов А. [Книжник И. С.]. [Рец. на: В год войны: Артист — солдату: Сборник / Под ред. Л. Ю. Рахмановой и А. В. Руманова] // Новый журнал для всех. 1916. № 6. С. 59.

не могла понять».⁸⁷ И выделила его в 1960-е: «...мне очень нравится оставшееся без всякого продолжения несколько темное и для меня вовсе не характерное стихотворение „Я пришла тебя сменить, сестра...“ — там я люблю строки:

И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.

То же, о чем до сих пор часто упоминают критики, оставляет меня совершенно равнодушной».⁸⁸ В публикационный провенанс этого стихотворения входит и конфликт с составителем подборки: «Несмотря на все протесты, угрозы и возмущение Гумилева, она потребовала, чтобы оно появилось именно в этом номере „Аполлона“, грозя в противном случае ничего не дать <...>. — „Хохлацкое упрямство!“ — сокрушенно вздыхал Гумилев. — „Хороша иллюстрация к акмеизму <...>“».⁸⁹ И действительно, критика в лице Александра Дейча резонно указала, что в этом стихотворении акмеистка Ахматова строками «Ты уже не понимаешь пенья птиц, / Ты ни звезд не замечаешь, ни зарниц» повторяет Бальмонта. «Таким образом, новые теории ничуть не поддерживаются стихами акмеистов».⁹⁰

Стихотворение «Ты письмо мое, мальчик, не комкай...», переданное для подборки акмеистов в «Заветах», наоборот, могло быть выбрано как в известном смысле декларативно антисимволистское:

Не пастушка, не королевна,
Не монахиня больше я —
В этом сером и будничном платье
На стоптанных каблуках...⁹¹

Несомненно, должны быть указаны прижизненные републикации разнообразного вида. Это прежде всего цитируемые полностью (или частично) стихи в критических статьях. Например, М. Б. Гершензон писала М. О. Гершензону 3 августа 1915 года: «...взялась за Р<усскую> М<ысль>. Прочла все стихи Ахматовой в статье Недоброво. Стихи мне очень нравятся, а статья нет. Купи ее сборник „Четки“».⁹² Это может быть воспроизведение в настенных календарях, например стихотворение «Черная вилась дорога...» в «Календаре отрывном на 1917 г. изд. т-ва „Отто Кирхнер“» на листке за 27 августа 1917 года,⁹³ или подпись под картинкой, — например вторая строфа стихотворения «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» к ностальгическому рисунку Б. Зворыкина «Соловецкий монастырь. Белое море» в рубрике «Города и годы» (мирный пейзаж, купола с крестами, монахи разгружают барки) в эмигрантском журнале,⁹⁴ или подтекстовки в нотных изданиях.⁹⁵ Особенно важны для историко-литературного паспорта стихотворения его вхождения в антологии. Достаточно вспомнить, какую роль в знакомстве с ахматовской

⁸⁷ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. 1938–1941. С. 56.

⁸⁸ Ахматова А. После всего / Предисловие Р. Д. Тименчика; сост. и прим. Р. Д. Тименчика и К. М. Поливанова. М., 1989. С. 276.

⁸⁹ Одоевцева И. Об «акмеистах» // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1974. 3 фев.

⁹⁰ Цит. по: Дейч А. В стане разногласных (Отрывки) // Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О. А. Лекманова и А. А. Чабан; вступ. статья и прим. О. А. Лекманова. СПб., 2014. С. 343.

⁹¹ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. С. 73–74.

⁹² Гершензон М. О., Гершензон М. Б. Переписка, 1895–1924 / Изд. подг. А. Л. Соболев. М., 2018. С. 681.

⁹³ Вероятно, источник — та же «Нива» (1913. № 10. С. 94; под заглавием «Песенка»).

⁹⁴ Сатирикон (Париж). 1931. № 13. С. 7.

⁹⁵ См.: Розенфельд Б. Анна Ахматова, Марина Цветаева, Осип Манделштам и Борис Пастернак в музыке. Нотография. Stanford, 2003. P. 9–63 (Stanford Slavic Studies. Vol. 25).

поэзией для первого советского поколения, по свидетельствам А. Твардовского, С. Аллилуевой-Сталиной⁹⁶ и многих менее именитых читателей,⁹⁷ сыграла подборка в антологии И. Ежова и Е. Шамурина «Русская поэзия XX века» (1925), куда вошли 32 стихотворения Ахматовой.

Вероятно, здесь же есть смысл учесть «устные публикации» (декламация в концертах, по радио, грамзапись; выступления как авторские, так и исполнительские, о которых подробнее см. в разделе X) и «альбомные публикации», как внесенное в альбом С. А. Толстой-Есениной двустушие с опиской в дате записи (надо: 13 июля):

«От других мне хвала — что зола.
От тебя и хула — похвала.

1931. Май
Записано 13 июня <sic> 1932 г. Москва.
Ахматова».⁹⁸

И в этом же разделе надо отмечать факт распространения стихотворения в так называемом самиздате — например, историю приключений стихотворений «Один идет прямым путем...» и «Я пью за разоренный дом...».⁹⁹

II. Текстологическая справка (наличие, качество, местонахождение черновых и беловых вариантов и редакций, наиболее существенные разночтения, искажения, исправления, опечатки) тоже строится с учетом бытования произведения в читательской среде. Так, в стихотворении «Муж хлестал меня узорчатым...», впервые напечатанном в журнале «Русская мысль» (1911. № 12. С. 216), при воспроизведении в сборнике «Вечер» содержалась опечатка: «Вышел сборник, напечатано было: „или любишь белоокою...“». Поэтесса думала одно время сжечь все издание, и была права, так как многие ценители ее таланта именно в „белоокой“ находили особую прелесть, свежесть и остроту».¹⁰⁰

Перепись разночтений неотрывна от информации об обратной связи с читателями, будь то их сообщения об огорчении от замены строчки «У озерных глухих берегов» на «У озерных грустил берегов» в сборнике стихотворений 1958 года или мнение рецензентов о новации в сборнике «Из шести книг»: «Очевидно, с целью разжевывания недостаточно чутким читателям смысла „Сероглазого короля“ вставлены в издании 1940 года совершенно чудовищные строчки:

⁹⁶ Твардовский А. Т. Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 9. С. 158; Аллилуева С. Двадцать писем к другу. Нью-Йорк, 1967. С. 166.

⁹⁷ См., например, письмо конца 1964 года читательницы К. Марчук (Жоноплиной) из Прокопьевска (РНБ. Ф. 1073. № 342).

⁹⁸ Вдовин В. 1) Автографы поэта // Литературная Россия. 1979. 22 июня; 2) Факты — вещь упрямая. Труды о С. А. Есенине. М., 2007. С. 426–427. См. также: Тименчик Р. Об одном инскрипте Ахматовой из собрания Л. Турчинского // «Тихие песни»: Историко-литературный сборник статей к 80-летию Л. М. Турчинского. М., 2014. С. 396. В воспоминаниях о Блоке А. И. Тиняков сообщал, что в 1921 году Ахматова написала ему в альбоме стихотворение «Как страшно изменилось тело...» (Тиняков А. Памяти А. А. Блока (отрывок из воспоминаний) // Последние новости (Пг.). 1923. 6 авг.). Альбом был им впоследствии расчленен на листы для продажи, большинство листов оказалось в РГАЛИ (в частности тот, где 28 января 1914 года было ею вписано стихотворение «Я с тобой не стану пить вино...»), но этот лист пока не обнаружен. 7 марта 1942 года в Ташкенте Рине Зеленой в альбомчик вписано стихотворение «Но я предупреждаю вас...» — с разночтением: «Ни гиацинтом, ни звездой...» (Зеленая Р. Разрозненные страницы. М., 1987. С. 183), и т. д.

⁹⁹ Тименчик Р. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. 2-е изд., испр. и расширенное. М.; Иерусалим, 2014. Т. 1. С. 301; Т. 2. С. 180, 250, 296, 418, 421.

¹⁰⁰ Сизиф [Адамович Г. В.]. О Сулле и Сцилле. Вместо письма в редакцию // Новая газета (Париж). 1931. 15 апр.

И покажу ей над башней дворца
Траурный флаг по кончине отца, —

строчки, убивающие стихотворение, лишаящие его необходимой поэтической недоговоренности. Чеховское издательство и здесь воспроизвело порчу текста, имеющуюся в сборнике „Из шести книг“;¹⁰¹ «...вставлено никчемное двуступище, отрицающее у лирической пьесы прелесть криптограммы... Стихотворение испорчено. Можно легко представить, что эта вставка предложена Ахматовой кем-то».¹⁰² Приведем и отклик украинского поэта-эмигранта на сборник «День поэзии» 1963 года: «Впечатление художественной и, вообще, творческой пустоты сборника, не только не компенсирует, но, может, еще больше подчеркивает помещенная в нем потрепанная, порезанная и обрезанная (цензурой или редакторами?) уже известная нам „Поэма без героя“ Ахматовой. Это выдающееся произведение известной поэтессы петербургского прошлого уже давно было опубликовано за границей: и самые яркие отрывки, и полностью, а то и в двух редакциях. <...> Остались от „Поэмы“ только побочные и „обрамляющие“ детали, а основа произведения — отсутствует. Кому это было нужно — знает разве что товарищ (может, теперь уже «сударь»?) редактор...».¹⁰³

Что касается цензуры, то сегодня приходится напоминать о существовании цензуры не только советской,¹⁰⁴ но и царской,¹⁰⁵ заменявшей точками строки «А теперь пора такая, / Страшный год и страшный город» в стихотворении «Будем вместе, милый, вместе...» (Голос. 1916. 1 янв.).

III. Комментарии к заголовкам начинаются с истории и семантики титулов книг и названий разделов — обзора первоначальных вариантов («Могила Эхо» вместо «Вечер»¹⁰⁶), контекста мировой поэтической традиции («Четки» и заглавия Франсиса Жамма и др.¹⁰⁷), пояснения издательской стратегии («Белая стая» вскоре после вышедшего в том же издательстве сборника Михаила Струве «Стая»), рассмотрения возможного неподконтрольного подтекста («Тростник»¹⁰⁸).

¹⁰¹ Филиппов Б. [Рец. на: Ахматова А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952] // Новый журнал (Нью-Йорк). 1953. № 32. С. 303–304.

¹⁰² Трубецкой Ю. Анна Ахматова // Литературный современник (Мюнхен). 1952. № 4. С. 94.

¹⁰³ Маланюк С. Земна Мадонна. Пряшів, 1991. С. 330.

¹⁰⁴ Рубинчик О. 1) Анна Ахматова и советская цензура. Статья I // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения-2004: Сб. науч. тр. СПб., 2005. С. 174–182; 2) Анна Ахматова и советская цензура. Статья II // Там же. С. 183–191.

¹⁰⁵ Генин Л. Анна Ахматова и царская цензура // Звезда. 1967. № 4. С. 203–204.

¹⁰⁶ Ти́менчик Р. Нимфа Эхо у Ахматовой // Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 2. С. 83–103. В свете вероятного раннего знакомства Ахматовой с некоторыми стихотворениями Р. М. Рильке (перевод ею стихотворения «Одиночество») можно допустить, что толчком к выбору названия «Вечер» могло стать стихотворение Райнера Марии Рильке «Вечер — моя книга» («Der Abend ist mein Buch», 1897); ср.: Ерофеева Л. А. Концепт «Abend» («вечер»), эксплицированный метафорическими образами, в поэтической картине мира Р. М. Рильке // Науч. вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. 2006. Вып. № 5. С. 71–78.

¹⁰⁷ См., например: Vaganay H. Le Rosaire dans la Poésie. Essai de bibliographie, Mâcon, 1907; Blackman W. S. The Rosary in Magic and Religion // Folklore. 1918. Vol. 29. № 4. P. 255–280.

¹⁰⁸ Компоненты мотива «тростника» см. в комментариях к строке «Тростник оживший зазвучал»: Ахматова А. Собр. соч. Т. 1. С. 941. Я бы предложил для историко-литературного контекста упомянуть стихотворение «Из ненаписанного цикла „Тростник“» с эпиграфом из «Истории государства Российского» об оттае славян: «Они умели долгое время таиться в реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, выставляя конец их на поверхность воды. Карамзин, И. Г. Р., т. I»: «О, как природа беспощадна. / Не задохнись! Не шевельнись! / Под жадным небом коршун жадный. / Кружащей точкою повис» (Ромм А. Ночной смотр: Стихи. М., 1927. С. 8).

Экспликация посвящений в случаях друзей-поэтов (Н. Гумилев, М. Лозинский, В. Нарбут, О. Мандельштам, Б. Пастернак, М. Цветаева и др.¹⁰⁹) требует индекса поэтических переключек. Читательское предощущение наличия сокрытых посвящений порождает безответные вопросы к тексту — так, Н. И. Харджиев писал: «...точный адресат стих<отворения> „Художнику“ мне неизвестен. Во всяком случае, это не Осмеркин. С живописью Белкина я не знаком (были ли у него пейзажи?), но с ним А. А. встречалась и в более поздний период».¹¹⁰

Об ахматовских эпитафиях существует уже сравнительно обширная литература.¹¹¹ И в этом случае указание на источник должно сопровождаться минимальной характеристикой последнего. Например, эпитафия (приведенный по памяти) к стихотворению «Последнее возвращение»:

У меня одна дорога:
От окна и до порога (Галкин)¹¹² —

взят из стихотворения писавшего на языке идиш поэта Самуила Галкина. Это стихотворение (которое, вероятно, слышал сидевший в одном концлагере с Галкиным Н. Н. Пунин) было сочинено в лубянской камере по-русски и для конспирации записано еврейскими буквами:

Есть дороженька одна —
От порога до окна,
От окна и до порога
Вот и вся моя дорога.

Я по ней хожу, хожу,
Ей про горе расскажу,
Расскажу про все тревоги
Той дороженьке-дороге...¹¹³

Стихотворение о личной драме через эпитафию приобретает подтекст, который Ахматова считала «задней мыслью» пушкинской повести «Египетские ночи»: «весна из окна темницы».¹¹⁴

¹⁰⁹ Так, в стихотворении «Бисерным почерком пишете, Лисе...», посвященном Георгию Иванову, строка «Голуби взлетели на карниз» цитирует триолет «Счастливый пример» — «Воркуют голуби премило» (Иванов Г. Отплыть на о. Цитеру: Поэзы. СПб., 1912. С. 26).

¹¹⁰ Мейлах М. «Утехи младших школяров». Семнадцать писем Н. И. Харджиева // Тыняновский сборник. М., 2002. Вып. 11. Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. С. 541.

¹¹¹ Жирмунская Н. А. Эпитафия и проблема импликации в поэтическом тексте (на материале поэзии Анны Ахматовой) // Res philologica. М.; Л., 1990. С. 342–350; Цивьян Т. Об одном ахматовском способе введения чужого слова: эпитафия // Semantic Analysis of literary Texts. Amsterdam, 1990. P. 85–96; Тименчик Р. Об одном французском эпитафии Анны Ахматовой // Око. Вестник Русского института в Париже. 1994. № 1. С. 17; Козицкая Е. А. Эпитафия и текст: О механизме смыслообразования // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь, 1999. Вып. 5. С. 53–60; Тименчик Р. Записные книжки Анны Ахматовой и генезис ее стихотворений // Эткиндовские чтения. СПб., 2003. Т. 1. С. 233–236, и многие др. Ср. разговор Ахматовой с М. Ардовым в конце 1965 года: «— Вот прекрасная тема для статьи — „Эпитафия Ахматовой“. / Подайте это кому-нибудь из ахматоведов. / Она мне ответила: / — Никому не говори. Напиши сам. Я тебе кое-что для этого подброшу» (Ардов М. Возвращение на Ордынку. СПб., 1998. С. 71).

¹¹² Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996. С. 345.

¹¹³ См.: Галкин Ш. Лидер фун-фисе ун лагер. Тель-Авив, 1988; ср.: Фрид В. 58 ½. Записки лагерного придурка. М., 1996. С. 365.

¹¹⁴ Ахматова А. О Пушкине. Статьи и заметки / Сост., послесловие и прим. Э. Г. Герштейн. Л., 1977. С. 196, 268.

Игра с датами под стихами составляет существенную часть диалога с читателями, для которых даты являлись ключом к опознанию реалий — адресата и «героя» стихотворения.

Именно вопрос об образе героя интересовал, вероятно, М. С. Шагинян, когда она писала о «Колыбельной» (1915 года): «...в очаровательной „Колыбельной“ (какого года?)».¹¹⁵

IV. Метрическая спецификация стихотворения поверяется эффектом воздействия на исторического читателя, которому текст был прямо адресован: «строгий и благолепный амфибрахический „Бежецк“»;¹¹⁶ «соединением простоты с глубиной в содержании и какого-то особого, только ей принадлежащего, тревожаще-чарующего своеобразным ритмом, формой» — о стихотворении «От любви твоей загадочной...»;¹¹⁷ «Анна Ахматова не описывает. Ритм ее стихотворения, его внутреннее содержание непосредственно дают чувства страдающей души. В прерывистом ритме этого стихотворения, в его структуре чувствуется страдание. Когда человек страдает, его душа воспринимает мир разорванным, распадающимся, он чувствует предметы разоблаченными, он теряет живую связь вещей. И тогда в его сознание остро врываются отдельные звуки, отдельные вещи. „На столе забыты хлыстик и перчатка... Круг от лампы желтый“ ... и т. д.»¹¹⁸ — о стихотворении «Дверь полуоткрыта...».

V. Имена, т. е. все, написанное с прописной буквы, разъясняется не формально, а по существу, здесь комментарий должен прямо ответить на вопрос «почему здесь» или «что вдруг». Скажем, ходовая метафора «явление природной стихии как восточный завоеватель», как у Маяковского о ночи в «Облаке в штанах» — «Пришла. / Пирует Мамаем, / задом на город насев»,¹¹⁹ у Хлебникова — «Пусть сосны бурей омамаены, И тучи движутся Батые» («Усадьба ночью, чингисхань!»¹²⁰) — в случае стихотворения о Пастернаке использует имя Тамерлана («И снова осень валит Тамерланом») потому, что у Пастернака в стихотворении «Вечерело. Повсюду ретиво (1931)» тюрко-монгольский военачальник помянут:

А вдали, где, как змеи на яйцах,
Тучи в кольца свивались, — грозней,
Чем бывлые набеги ногайцев,
Стлались цепи китайских теней.
<...>
Точно там, откупаяся данью,
Длился век, когда жизнь замерла
И горячие серные бани
Из-за гор воевал Тамерлан.¹²¹

¹¹⁵ Шагинян М. [Рец. на: Ахматова А. Anno Domini MCMXXI] // Жизнь искусства. 1922. 3 янв.; речь идет о недатированной в рецензируемом сборнике «Колыбельной» («Далеко в лесу огромном...») (Ахматова А. Стихотворения и поэмы. С. 179) и о том, когда написано стихотворение о получившем в подарок белый крестик Егория воине — при его жизни или посмертно.

¹¹⁶ Е. М. [Винавер Е. М.]. [Рец. на: Завтра: Лит.-критич. сб.] / Под ред. Е. Замятина, М. Кузмина и М. Лозинского. Берлин, 1923 // Звено. 1923. 19 марта.

¹¹⁷ М<атвее>в В. [Рец. на: Сирена. Воронеж. № 2–3] // Вестник Воронежского округа путей сообщения. 1919. № 6–7. С. 19.

¹¹⁸ Огинская О. О поэзии Анны Ахматовой // Женское дело. 1914. № 10. С. 15; мы, к сожалению, не знаем, кто скрылся за этим псевдонимом, взятым у героини драмы Г. Гауптмана «Эльга».

¹¹⁹ Маяковский В. Простое как мычание. Пг., 1916. С. 108.

¹²⁰ Хлебников В. Собр. произведений. Л., 1930. Т. II / Ред. текста Н. Степанова. С. 217.

¹²¹ Пастернак Б. Полн. собр. стихотворений и поэм. СПб., 2003. С. 322.

Раскрытие имен — процедура наиболее привычная в издательской практике, но если ее углублять, как повелось в начинаниях последних лет, то только под углом зрения участия имен собственных в смысловой стройке целого текста.

Остановлюсь на одной комментаторской контроверзе, когда претензия к комментаторской работе мне представляется не столь важной: «Достаточно ли объяснение по поводу „Федоровского собора“ в примечаниях к „Русскому Трианону“? Мне казалось, что в комментариях следует указывать точное название храма, ведь русская церковь знает как минимум двух Святых Федоров: Св. Федора Тирона и Св. Федора Стратилата; это разные святые с разными житиями».¹²²

Все версии происхождения имени Феодоровского Государева собора в Царском Селе ведут к Св. Федору Стратилату, но полагаем, что это не самая нужная информация для понимания данного текста. Меж тем как время и усилия (правда, весьма скромные) для добывания ее психологически отвлекают комментатора (а затем и читателя научного издания) от действительно необходимых примечаний к строкам: «...было про то, что Расп<утин>

.....и горе!
Служил обедню в Федровском Соброре.

(Царскосельский слух 16 года.)»¹²³

И Гришка сам — распутник... Горе! горе! —
Служил обедню в Федровском соброре.¹²⁴

Примечания должны предъявить сведения о причинах зарождения и распространения этого слуха, например дневниковую запись царскоселки от 29 февраля 1916 года: «Рита вернулась из Федоровского собора в трансах. Григорий был в соборе в поддевке, синей рубашке, стоял у самой решетки. Когда появилось какое-то малознакомое лицо, солдат сводного полка стал вплотную за его спиной, два других по бокам. Зачем этот вызов, это всенародное появление, эта охрана негодяя?»¹²⁵ Ср. воспоминания о первой неделе Великого поста 1916 года: «После краткой, в течение нескольких минут, исповеди у своего духовника, на первой неделе Великого поста 1916 г., Государь более часу вел духовную беседу со „старцем“ Григорием Ефимовичем. В субботу на этой неделе в Федоровском соборе причащались царь и его семья, а вместе с ними и их „собинный“ друг, Григорий Ефимович. Царская семья во время литургии стояла на правом клиросе, а „друг“ в алтаре. „Друг“ причастился в алтаре, у престола, непосредственно после священнослужителей, а уже после него, в обычное время, у царских врат, как обыкновенные миряне, царская семья. Причастившись, Распутин сел в стоявшее в алтаре кресло и развалился в нем, а один из священников поднес ему просфору и теплоту „для заправки“. Когда царская семья причащалась, Распутин продолжал сидеть в кресле, доедая просфору. Передаю этот факт со слов пресвитера собора Зимнего Дворца, прот. В. Я. Колачева, сослужившего в этот день царскому духовнику в Феодоровском соборе и лично наблюдавшего описанную картину».¹²⁶

¹²² Гончарова Н. Г. Несколько наивных вопросов к составителям ахматовского шеститомника // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. С. 563.

¹²³ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 177.

¹²⁴ Там же. С. 719; здесь явная отсылка к стихотворению Н. Гумилева о Григории Распутине «Мужик»: «Как не погнулись — о горе! — / Как не покинули мест / Крест на Казанском соборе / И на Исаикии крест?» (Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. 2-е изд., испр. и доп. / Вступ. статья А. И. Павловского; сост., подг. текста и прим. М. Д. Эльзона. СПб., 2000. С. 262).

¹²⁵ Чеботарева В. В дворцовом лазарете // Новый журнал. 1990. № 181. С. 181.

¹²⁶ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота: В 2 т. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 89.

VI. Из реалий в многонаселенном и щедро обставленном, энциклопедически всеохватном поэтическом мире Ахматовой приходится выбирать те, которые вызывали вопросы у исторического читателя. Некоторые были заданы прямо автору.

16 августа 1962 года итальянский поэт и переводчик Бруно Карневали просил разъяснить непонятные слова: «Дворец Фонтанный», «мангалочий дворик»,¹²⁷ «подкапризовый». «Кто это „таинственный художник“?»¹²⁸ Это письмо осталось без ответа, но в своем издании¹²⁹ Карневали точно разъяснил стихи «Он ко мне во Дворец Фонтанный», «Туда по подкапризовой дороге». Строки «Совсем не тот таинственный художник, избородивший Гофмановы сны» объяснены как отсылка к «Эликсиру Сатаны» Э. Т. А. Гофмана, где о загадочном inferнальном чужеземном портретисте говорит парикмахер Пьетро Белькампо: «...этот Живописец, или Вечный Жид, Агасфер, или же Бертран де Борни <sic!>, Мефистофель, Бенвенуто Челлини, или Св. Петр, но во всяком случае, выходец из того света».¹³⁰ Однако в строках —

И под ветер с незримых Ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен —

из стихотворения «Истлевают звуки в эфире...» он неверно понял множественное число гидронима (превращающее Ладожское озеро в нарицательное обозначение невидимых Китежей под русскими озерами) как обозначение двух населенных пунктов — Новая Ладога и Старая Ладога.

Вызывала вопрос строка «С похорон одного поэта» в стихотворении «Когда человек умирает» (1940). Н. И. Харджиев отвечал на него: «„Когда человек умирает...“ — как известно, А. А. хоронила Блока. Других поэтов она не хоронила. Помню и мой разговор с нею о фотопортретах Маяковского, с каждым годом теряющих сходство с поэтом, которого ретушеры никогда не видели. Той же участи подверглись и посмертные портреты Блока».¹³¹

Среди наиболее живучих читательских вопросов — проблема прототипов «героев» ахматовской любовной лирики.¹³² Чаще всего подставляли Блока и Гумилева, и эти домыслы как часть истории стихотворения должны быть зафиксированы в комментариях. Гумилева видели в стихотворении «В последний раз мы встретились тогда...» (1914): «Я закрываю глаза и вижу, как высокий человек в кавалерийской шинели склонился к маленькой женщине»¹³³ — см.

¹²⁷ «Мангалочий дворик» из стихотворения «Заснуть огорченной...» в ответ на запрос чешской переводчицы Марии Марчановой объяснялся в письме Ахматовой от 7 сентября 1963 года: «...мангалами в Средней Азии называют печурки, которых обыкновенно бывает несколько в дворике, потому что при тамошней жаре летом топить в кухне невозможно» (Анна Ахматова и Мария Марчанова. Переписка (1960–1964 годы) / Вступ. заметка О. М. Малевича; подг. текста и комм. Н. И. Крайневой, О. М. Малевича // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. С. 328–329).

¹²⁸ РНБ. Ф. 1073. № 1712.

¹²⁹ *Achmatova A. Poesie, con introduzione di Bruno Carnevali. Milano, 1962.*

¹³⁰ *Гофман Т. Собр. соч. СПб., 1897. Т. 5. Эликсир Сатаны. Очерк / Пер. В. Л. Ранцова. С. 97;* то же объяснение: *Топоров В. Н. Ахматова и Блок (К проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой). Berkeley, 1981. С. 193–194.*

¹³¹ *Мейлах М. «Утехи младших школяров». С. 541.*

¹³² См., например, о стихотворении «Сон» («Я знала, я снюсь тебе...»), которое Е. Я. Архипов приводит в своей рукописной библиографии русской поэзии 1922 года в разделе «Вас. Комаровский», помету: «(ему ли?)» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 25).

¹³³ *Дологацкий Б. Анна Ахматова (К 35-летию творческой деятельности) // Эхо (Регенсбург). 1947. 26 июня.*

по этому поводу слова Ахматовой: «...побеседовать со своим мужем могла бы дома за завтраком, и вовсе незачем идти для этого на набережную».¹³⁴ Также и в стихотворении «Проплывают льдины звеня...» (посвященном В. К. Шилейко¹³⁵): «Папа говорил, кому оно посвящено — Н. С. Гумилеву».¹³⁶ Ю. П. Анненков полагал, что это Н. С. Гумилев сказал: «Я верный друг!» — и коснулся платья.¹³⁷ По поводу помещения стихотворения «Пока не свалюсь под забором...» (В. А. Знаменской Ахматова сказала 24 августа 1963 года в Комарове, что адресат — покойный Н. В. Недоброво¹³⁸) в мемориальном блоковском выпуске альманаха было замечено, что они «посвящены, по-видимому, другому поэту».¹³⁹

VII. Цитаты прямые и не прямые. Прямыми цитатами мы назовем выделенные графически (кавычки; в окончательном тексте или — часто — в черновиках) или стихово (зачин, финал, enjambement, ритмический курсив). При этом надо называть источник с указанием привносимого подтекста. То есть, например, к строке «Уж не сказку ль про синюю бороду» в стихотворении «Слух чудовищный бродит по городу...» не только надо назвать сказку Шарля Перро, но и напомнить по поводу следующих строк — «Как седьмая всходила на лестницу, / Как сестру молодую звала»¹⁴⁰ — что на помощь призывалась сестра по имени Анна (смысловая игра с соименницами есть во многих ахматовских стихах¹⁴¹).

Непрямые цитаты¹⁴² — то, что О. Д. Форш назвала «междустрочными», говоря о стихотворении «А Смоленская нынче именинница...»: «Поэт мнился рыцарем, высоко вознесенным на щитах. И одни стихи, ему посвященные, отразили это впечатление в междустрочном уподоблении Лоэнгрину:

Принесли...

Наше солнце, в муках погасшее — Александра, лебедя чистого».¹⁴³

Непрямая цитата, например, покоящаяся на «остриях» двух слов «звонны» и «клен», это — отсылка к монологу заглавного героя гумилевской драмы «Гондла» в стихотворении с отказом от метемпсихоза «Но я предупреждаю вас...»:

Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковой водой,
Ни колокольным звоном —
Не буду я людей смущать.¹⁴⁴

¹³⁴ Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие: Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. С. 189. По-прежнему живуча мысль, что на набережной говорил «о том, что быть поэтом женщине — нелепость», А. А. Блок (*Boyt S. Loving in Bad Taste. Eroticism and Literary Excess in Marina Tsvetaeva's «The Tale of Sonechka»* // *Sexuality and the Body in Russian Culture* / Ed. by Jane T. Costlow, S. Sandler and J. Vowles. Stanford: Stanford University Press, 1993. P. 164).

¹³⁵ Лукницкий П. Н. Асумиана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. С. 43.

¹³⁶ Письмо И. Е. Трофимовой от 13 января 1964 года (РНБ. Ф. 1073. № 1030). Имеется в виду знаток и пропагандист модернистской поэзии Е. Я. Архипов.

¹³⁷ Анненков Ю. Анна Ахматова // *Возрождение*. 1962. № 129. С. 44.

¹³⁸ Струве Г. Ахматова и Н. В. Недоброво // Ахматова А. Соч. Paris, 1983. Т. 3. С. 390.

¹³⁹ Лутохин Д. Кризис эстетизма (По поводу «Записок мечтателей») // *Вестник литературы*. 1921. № 10 (34). С. 5.

¹⁴⁰ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. С. 157.

¹⁴¹ См.: Мейлах М. Б. Об именах Ахматовой: I. Анна // *Russian Literature*. 1974. № 7/8. P. 33–57.

¹⁴² См.: Тименчик Р. Принципы цитирования у Ахматовой в сопоставлении с Блоком // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 124–127.

¹⁴³ Форш О. Сумасшедший корабль. Л., 1931. С. 106.

¹⁴⁴ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. С. 210.

Ср.:

Колокольные ясные звоны
 Нежно сердце мое разобьют.
 И, не слушая волчьей угрозы,
 Буду близкими я погребен,
 Чтоб из губ моих выросли розы,
 Из груди многолиственный клен.¹⁴⁵

VIII. Интертекстуальные соотношения не обязательно являются цитированием первоисточника — связь с ним может пролегать через множество текстов-посредников. Таково, например, клише в стихотворении 1918 года —

Ты всегда таинственный и новый,
 Я тебе послушней с каждым днем,
 Но любовь твоя, о друг суровый,
 Испытание железом и огнем,¹⁴⁶

дополнительное внимание комментатора к которому привлекает написанное приблизительно в то же время любовное письмо Н. Гумилева: «Огненное искушение, о котором говорит апостол Петр, предназначено мне, а не Вам»¹⁴⁷ — ср.: «Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного...» (1 Пет. 4: 12).

В этом же разделе целесообразно каталогизировать диагностированное историческим читателем стилистическое сходство. Таких высказываний много (о пушкинском, баратынском, тютчевском, блоковском, некрасовском и других влияниях). См., например, о стихотворении «Плотно сомкнуты губы сухие...» (1913): «...напряженно литургическое, напоминающее Иннокентия Анненского».¹⁴⁸

IX. «Сильные места», вычленяемые читателями, это, как правило, финалы — как строка «Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему»: «Благодарством мысли, парнасской мудростью насыщено стихотворение А. Ахматовой „Небывалая осень...“ — „весенняя осень“. Лишь последняя строчка звучит как будто бы и не по-парнасски — быть до конца парнасцем Ахматовой, конечно, мучительно».¹⁴⁹

Особо следует отметить свидетельства исторического читателя о прагматике текста, определяющего читательское поведение, содержащего механизм запуска телесной стратегии читателя (его улыбку, слезы, вздох, остановку чтения, перечитывание): «Под жестом в стихотворении я подразумеваю такую расстановку слов, подбор гласных и согласных звуков, ускорений и замедлений ритма, что читающий стихотворение невольно становится в позу его героя, перенимает его мимику и телодвижения и, благодаря внушению своего тела, испытывает то же, что сам поэт, так что мысль изреченная ста-

¹⁴⁵ Гумилев Н. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 2. Драммы. Рассказы / Сост., подг. текста и прим. Р. Л. Щербакова. С. 70.

¹⁴⁶ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. С. 153.

¹⁴⁷ Гумилев Н. С. Письмо к Е. Р. Малкиной / Публ. М. Д. Эльзона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 217.

¹⁴⁸ Бусин М. [Райс Э.]. Анна Ахматова, человек и поэт // Возрождение. 1966. № 172. С. 45; ср.: Иезуитова Л. А. Стихотворение Анны Ахматовой «Плотно сомкнуты губы сухие...» (текст, подтекст, контекст) // Онтология стиха. Памяти Владислава Евгеньевича Холшевникова. СПб., 2000. С. 245–260.

¹⁴⁹ Маврикий Фонтанов [Мозалевский В. И.]. [Рец. на: Литературная мысль. № 1. Пг., 1922] // Гермес. 1923. № 3. С. 440.

новится уже не ложью, а правдой».¹⁵⁰ Таким программирующим читателя «жестом» Георгий Шенгели считал стих «Воздух сияясь губами поймать» из стихотворения «Плотно сомкнуты губы сухие»: «В строке пять звуков, при которых происходит работа губ (в, б, м, п, м); губы непрерывно сближаются и размыкаются (при произнесении других звуков); произносящий эту строку как бы сам ловит губами воздух, в соответствии с изображаемым».¹⁵¹

Х. Справка об интермедальности сообщает о прижизненном отражении текста в других искусствах: драматическом, музыкальном, изобразительном. У нас есть даже пример кинематографической — Фаина Раневская в роли директора провинциального музея читает в киноновелле «Три гвардейца» в фильме «Родные берега» (Ташкентская киностудия, 1943) вторую строфу стихотворения «Молитва» с заменой эпитета «темная» — «Чтобы туча над скорбной Россией / Стала облаком в славе лучей». Напомню, что, например, в пьесе М. Э. Козакова «Чекисты» в сцене в «Подвале поэтов» (т. е. в «Привале комедиантов») некая «Поэтесса» читает из стихотворения «Все мы бражники здесь, блудницы»:

Навсегда забиты окошки....
Что там — изморозь или гроза?¹⁵²

Контакт аудитории с ахматовскими стихами проходил через декламацию и автодекламацию.¹⁵³ В 1920-е годы, например, заметной исполнительницей была В. Л. Юренева: «Вслушайтесь, как неожиданно артистка толкует ахматовский „Разрыв“! Сколько болезненной траги-веселости в простых словах: „Меня покинул в новолунье...“»;¹⁵⁴ «Мимолетные миниатюры Ахматовой, с очарованием души и техники переданные Юреновой, потеряли чистоту рисунка от музыки, совершенно тут ненужной».¹⁵⁵ Смысловые ресурсы поэтического сообщения в трансформированном виде доходили и через музыкальные пьесы на ахматовские стихи: «Зоя Лодий спела несколько романсов на слова Ахматовой. Наиболее сильный романс — [М. Ф.] Гнесина „Хорони меня ветер“, в котором дается ощущение бури в степи, ветра, ночи.¹⁵⁶ Совсем вульгарен, отдает цыганщиной, романс [В. С.] Горовица „Жала <sic> руки под темной вуалью“».¹⁵⁷

ХІ. Разное. Я предложил бы зарезервировать этот раздел для выборочных эпизодов бытования стихотворения. На примере разбиравшегося выше стихотворения «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» покажу, что могло бы войти в завершающий раздел комментарий справки.

¹⁵⁰ Гумилев Н. Письма о русской поэзии. С. 48.

¹⁵¹ Шенгели Г. Техника стиха. М., 1960. С. 266; ср.: «Георгий Аркадьевич Шенгели, с которым я часто встречалась и дружила, иногда для своих изысканий просил меня произнести какую-нибудь мою строку» (Ахматова А. Соч. Мюнхен, 1968. Т. 2. С. 305–306).

¹⁵² Тищенко Р. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 161–164.

¹⁵³ Мерлин В. В. Стихотворение А. Ахматовой «Муза»: Анализ авторского исполнения // Вопросы стилистики. Саратов, 1985. Вып. 20. С. 102–111.

¹⁵⁴ Ор<ешников?> П. Вечер Юреновой // Новый путь (Рига). 1921. 13 дек.

¹⁵⁵ Витвицкая Б. На вечере В. Л. Юреновой // Рижский курьер. 1921. 12 дек.

¹⁵⁶ Ср.: «...хороша печальная, хотя несколько излишне прямолинейная в своих минорных заключениях песня Анны Ахматовой» (Мяковский Н. Я. Собр. материалов: В 2 т. 2-е изд. М., 1964. Т. 2. Литературное наследие. Письма. С. 210).

¹⁵⁷ Зал имени Короленко. Вечер Анны Ахматовой // Харьковский пролетарий. 1924. 24 апр. (без подписи).

Совпадения с другими синхронными сочинениями, как, например, с финалом стихотворения И. Г. Эренбурга «Бьется пташка в траву ныряет...», написанного в 1920 году в Коктебеле и Ахматовой неизвестного (впрочем, видимо, несущего отпечаток тютчевского стихотворения «Последняя любовь»):

Нет ни Творца, ни твари.
Только там на западе — смотри —
Еще медлит истаять нежное зарево
Последней земной зари.¹⁵⁸

Устанавливаемые критикой точки схождения стихотворения с современными ему — по-видимому, оно имеется в виду в разговоре о стихах Б. Пастернака: «...такие жуткие стихи, приводящие на память аналогичные у Анны Ахматовой:

А в наши дни, и воздух пахнет смертью, —
Открыть окно, что жилы отворить».¹⁵⁹

Свидетельства «рядовых» читателей — дневниковая запись от 4 января 1922 года: «Я все чаще и чаще повторяю одно чудное стихотворение Анны Ахматовой».¹⁶⁰

Реакции поэтические — «Ответ Анне Ахматовой» («Суров сей век и тягостен без меры...») А. Э. Беленсона.¹⁶¹

Резонанс в первом поколении читателей — «А ведь мы, как все подсоветские, были „западниками“ не потому, что советский человек обязан быть западником, но и потому, что читали Ахматову:

Еще на Западе земное солнце светит,
И кровли городов в его лучах горят».¹⁶² —

и в последующих — на примере Иосифа Бродского.¹⁶³

Возможно, поскольку речь идет о дефинитивном (на какое-то время) комментарию, в этом разделе следует указывать на заведомо ошибочные прочтения (в критике, переводах, комментариях) и, учитывая вековой опыт читательской и исследовательской фантазии, памятью, как говорила Ахматова,

¹⁵⁸ Эренбург И. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Б. Я. Фрезинского. СПб., 2000. С. 400.

¹⁵⁹ Зноско-Боровский Е. А. Записки о русской поэзии // Воля России (Прага). 1923. № 18. С. 68.

¹⁶⁰ Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента // Русское прошлое. СПб., 1994. Кн. 5. С. 216.

¹⁶¹ Беленсон А. Врата тесные. Вторая книга стихов. Пб., 1922. С. 26; Ахматова: pro et contra. Т. 1. С. 836 — с мелким разночтением. Кстати, полемизируя со статьей Е. И. Замятина «Я боюсь» в журнале «Дом искусств», где говорилось, что «если писатель должен быть благоразумным, должен быть католически-правоверным, должен быть сегодня-полезным, <sic!> не может хлестать всех, как Свифт, не может улыбаться над всем, как Анатолий Франс, — тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, газетная, которую читают сегодня и в которую завтра завертывают глиняное мыло» (Дом искусств. 1921. № 1. С. 45), Беленсон писал: «Да, насколько известно, и на весь Запад имеется всего лишь один дряхлеющий Анатолий Франс, хотя по словам Анны Ахматовой в том же журнале / „Еще на западе земное солнце светит / И кровли городов в его лучах горят...“» (Беленсон А. 1) Литература в колумбариях // Жизнь искусства. 1921. 12–13 фев.; 2) Искусственная жизнь. Пб., 1921. С. 64).

¹⁶² Ульянов Н. Шестая печать // Воздушные пути. Нью-Йорк, 1965. Альманах IV. С. 168.

¹⁶³ Ахалкин Д. Иосиф Бродский и Анна Ахматова. В глухонемой вселенной. М., 2021. С. 163–164.

«о тенях, которые мерещатся читателям»,¹⁶⁴ желательно к тем местам текста, которые доказали свою способность быть неверно интерпретированными, делать примечания на манер старинных комментаторов: «не путать с тем-то!». Это противокоррозийные меры против неизбежного искривления смыслов, вплоть до превращения их в прямо противоположные, при будущих попытках реферирования научного комментария, фрагментарного цитирования, слияния вместе с альтернативными комментариями и другими формами утилитарного использования в массовой культуре и учебной рутине.

Итак, в будущем полном собрании сочинений предлагается комплексный комментарий, охватывающий разнофактурную группу параметров текста, регистрирующий все формы фрагментарного и трансмедийного бытия текста, причем текста как явления динамического, не равного самому себе на протяжении всего своего существования в читательском сознании. Этот комментарий призван подать произведение в его первоначальной свежести как событие в истории литературы, даровавшее «наслаждение текстом» читательским ожиданиям или шокировавшее первых читателей,¹⁶⁵ и одновременно осветить его как образец собственно классики, живущей именно в перечитывании.

¹⁶⁴ Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 132.

¹⁶⁵ См. некоторые примеры: Тименчик Р. Анна Ахматова и советский читатель // Русская литература. 2014. № 2. С. 190–206.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-85-118

«ВАША ОСИНКА ТРЕПЕЩЕТ ПОД МОИМ ОКНОМ...» ПЕРЕПИСКА А. А. АХМАТОВОЙ И М. С. ПЕТРОВЫХ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ М. С. ПЕТРОВЫХ
И КОММЕНТАРИИ © О. Е. РУБИНЧИК;

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ А. А. АХМАТОВОЙ © А. И. ГОЛОВКИНОЙ И © О. Е. РУБИНЧИК)*

Мария Петровых однажды процитировала слова Ахматовой: «У Маруси вторая стадия: я только не отвечаю на письма, а она уже и не распечатывает их».¹ Если бы это бонмо полностью соответствовало реальности, то для данной публикации не было бы никакого основания. Но за 33 года с момента знакомства, быстро переросшего в дружбу, Ахматова и Петровых все же послали друг другу по крайней мере 20 писем и телеграмм. 20 единиц — это лишь известная на сегодняшний день корреспонденция. Естественно предположить, что и писем, и телеграмм было больше. Три невыявленных письма к Петровых (одно — 1963-го, два — 1965 года) даже упомянуты в ахматовских записных книжках, впрочем, неясно, они только планировались или были

* Анастасия Ивановна Головкина — внучка и наследница М. С. Петровых, хранительница ее архива, создала домашний «Московский фонд Марии Петровых», частично представленный в Интернете: <https://vk.com/club139428597>. Сердечно благодарим за помощь в работе Н. И. Крайневу, А. Г. Каминскую, Р. Д. Тименчика, Ш. Ш. Ибрагимову, Д. В. Бобышева.

¹ Олышанская Е. «Какая радость — каждый истинный поэт!» // Петровых М. С. Черта горизонта: Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых / Сост. Н. Глен, А. Головачева, Е. Дейч, Л. Мкртчян. Ереван, 1986. С. 355.